

И всё же они были единственными искорками света в этой бескрайней пустоши.

***

— Главный Лу, — Уайт вскинул руку с дюжиной исчёрканных листов. — У нас ничего не выходит.

Лу Бисин выглядел измотанным до предела, под глазами темнели круги, он то прижимал пальцы к вискам, то надавливал на точку меж бровей.

В опустевшей мастерской его окружали лишь роботы, подобные застывшим в боевом порядке терракотовым воинам, не ведающие страданий, безмолвные и безжизненные.

Подперев голову, Лу Бисин принялся листать плоды стараний Уайта. Косые рассветные лучи, падая на его лицо, отбрасывали лёгкие тени. Он долго не отрывался от записей, и Уайта охватило предчувствие, что вот сейчас ректор оттолкнёт его писанину и велит больше не тратить время понапрасну, тем самым поставив крест на всей их компании.

Оно преисполнило душу юного Уайта беспокойством, причину которого он сам не признавал. В ожидании ответа ректора его душа успела уйти в пятки [1]. Наконец Лу Бисин невозмутимо обратился к нему:

— Вы ведь прочли методичку? И что там непонятного?

[1] Душа ушла в пятки — в оригинале 心飞走了 [tíxīn diàodǎn] — в пер. с кит. «сердце поднялось, а желчный пузырь повис», обр. в знач. «перепугаться», «удариться в панику», «сердце замерло от страха».

Четверо студентов смущённо переглянулись.

— Да всё, — выпалил Бойцовый Петух.

— Быть того не может, чтобы прямо всё. — Так же бесстрастно отозвался Лу Бисин, собирая испещрённые каракулями листы в стопку. — Разве что на самом деле вы её даже не открывали.

Обычно он обращал к собеседникам свою дружелюбную и приветливую сторону, создавая чувство, будто он и впрямь радует о них всем сердцем; сейчас же, пусть его отношение к студентам было проникнуто неизменным терпением, в нём также сквозила вселенская усталость, скрывать которую он был уже не в силах.

Люди, до которых невозможно достучаться никакими силами, всё равно что камни в человеческом облике. Для тех, кто мёртв со дня своего появления на свет, не имеет значения, что их брэнная оболочка вновь подвергнется тлену.

За распахнутыми воротами мастерской зияла пустота. Лу Бисин бросил на них разочарованный взгляд, думая, что, пожалуй, смешон и нелеп в своей настойчивости. Зная, что над этой станцией уже занесён невидимый меч и тиканье обратного отсчёта неумолимо, он решил оставить это при себе.

Если в дело вступит Десять серебряных эскадр, широкомасштабные военные действия неизбежны. Даже не сделай Линь из базы приманку, собравшаяся на ней разношёрстная компания не заслуживала и толики доверия; прекрасно это понимая, Лу Бисин всё равно

предавался безумному стремлению зародить в этих тёмных умах хотя бы искру света.

Он не мог не видеть, что его действия напрочь лишены логики.

— Мы не поняли, как работают все эти математические модели, — собравшись с духом, начала Мята. — И ещё... что делать с этими переменными.

Лу Бисин наконец осознал масштаб проблемы.

— Гм. Так значит, ваше «законченное начальное образование» существует только на бумаге? И сколько же вы выложили за свои фальшивые аттестаты?

— Да ничего я не покупал, — осторожно начал Уайт. — Просто с тех пор... нужды повторять не было, так что я почти всё забыл.

— Восемьдесят кусков, — перебила его Мята. — За идентификационный номер, чтобы в Департаменте образования не прикопались. И ещё двести — за полный комплект документов для подачи в академию.

— Дороговато. — Лу Бисин запустил персональный терминал и нашёл справочник. — Старый декан факультета информатики говорил, что полный пакет документов стоит сто тридцать восемь — выходит, тебя надули.

— Главный Лу, мы в курсе, что во всех прочих галактиках Лиги дети усваивают все эти математические модели в начальной школе. — Хуан Цзиншу постучала пальцем по виску. — Ясное дело, у них-то нормальные мозги, так что Эдем попросту заливает в них все знания, будто они с ними родились.

Подняв голову, Лу Бисин пригвоздил её взглядом, холодным, словно две сосульки.

— Что ты хочешь этим сказать?

— В глубокой древности дикари, что ели сырое мясо вместе с шерстью, были людьми. И наши предки, не покидавшие пределы атмосферы, тоже были людьми. И мы — такие же люди, но между нами целая пропасть. Нам далеко до жителей Лиги: им с рождения доступно то, чего нам и за целую жизнь не добиться, — высказалась Хуан Цзиншу. — Главный Лу, вам не кажется, что требовать от нас того же, что от выпускников начальной школы Лиги — попросту несправедливо?

— Не кажется, — с натянутой улыбкой отрубил Лу Бисин и принялся перелистывать страницы парящей над терминалом виртуальной книги. — Вы в самом деле считаете, что освоить элементарные математические модели — невесть какое достижение? Ничего не скажешь, любопытная точка зрения. Так знайте, что для меня все эти модели — не более чем инструменты, как молотки, гвозди или верёвки. Того, кто изобрёл молоток, вы вправе назвать гением; но достойна ли этого гордого звания горилла, которая, лихо размахивая молотком, раскалывает орехи — или же черепашки себе подобных?

Его речи как-то незаметно покинули пределы добродушного юмора, обретя оттенок едкого сарказма: Хуан Цзиншу покорило нескрываемое раздражение, прорвавшееся в его голосе.

— Главный Лу... Что это вы? — робко отозвалась она.

— Ничего. — Лу Бисин вновь опустил взгляд и его голос немного смягчился: — Почитайте

учебники. Я открыл вам доступ к библиотеке, хранящейся на моём персональном терминале, там вы найдёте подробные объяснения нескольких классических математических моделей. Если и тут что-то будет непонятно, можете отметить эти места и спросить меня, но я не стану зачитывать для вас вслух руководство по безопасному пользованию молотком. Ещё вопросы будут?

— Главный Лу... — неуверенно начал Уайт. — А нам... ещё надо доделывать это домашнее?

На сей раз Лу Бисин ограничился лаконичным:

— Надо.

— Но...

— Если вы верите, что в вашей работе есть смысл, постарайтесь убедить в этом остальных. Если у вас не выйдет, просто делайте то, что считаете нужным. В условиях войны проблема источников энергии выходит на первый план, а значит, как ни крути, придётся решать её так или иначе.

...В противном случае, даже если Серебряная девятка решит десантироваться на их станцию, для прибывшей из невообразимой дали за пределами галактики эскадры будет той ещё радостью не обнаружить здесь ни надёжной базы, ни стабильной энергетической системы.

И, как бы глубоко ни было твоё разочарование, тебе остаётся делать то, что должно.

Четверо студентов обменялись быстрыми взглядами и молча удалились, тактично оставив своего ректора в покое.

Математика представлялась им какой-то недостижимой вершиной, однако теперь, возможно, благодаря близкой и понятной аналогии с «руководством по безопасной эксплуатации молотка» их отношение несколько переменилось.

Близился полдень, когда их четвёрка наконец с головой погрузилась в чтение учебников, будто младенцы, неуверенно делающие первые шаги и складывающие башни из кубиков. Вдумчиво изучив свою часть материала, они вполголоса обменивались прочитанным, причём порой обсуждение переходило на повышенные тона — вот так, то и дело пререкаясь, они совместными усилиями выстраивали общую картину.

Тем временем Лу Бисину было не до студентов: вскоре первая партия роботов прошла техобслуживание и готова была приступать к работе, но их по-прежнему не хватало, да и скорость оставляла желать лучшего. В итоге Лу Бисину пришлось разрабатывать новый план упрощения энергетической системы базы.

Доставив первую партию роботов на место работы, он собрался было вернуться в мастерскую, когда кто-то его окликнул:

— Лу... того... эксперт Лу!

Лу Бисин обернулся — и чуть не задохнулся от удивления.

Перед ним предстало юное лицо Субботы и амулет с прахом кроликов на шее Выходного, бившийся с отчаянной решительностью щербатый старик и его хромоногий сверстник, бабуля-киноманка, которая заставила Лу Бисина чинить мультимедийный экран, и Сестрица-

Толстушка, для которой, казалось, в этом мире не существует достаточно больших сковородок и кастрюль — вся компания как на подбор, и многие, многие другие.

В уголке губ Субботы красовался синяк, одежда пришла в плачевное состояние — половина пуговиц вырвана с мясом, по шее прошлись чьи-то когти, оставив три царапины, но лицо светилось воодушевлением триумфатора — ни дать ни взять хулиган, только что расколошмативший окно соседу.

За его спиной виднелась пара десятков молодых людей, связанных верёвкой, будто нанизанная на нить саранча — они являли собой ещё более жалкое зрелище. Один из них, с разбитым носом, лишился даже ремня, вынужденный поддерживать волочащиеся по земле штаны.

Сестрица-Толстушка тащила тяжёлую лазерную пушку, взвалив её на плечо; надо думать, единственным нажатием на спусковой крючок этой штуки можно как нечего делать вышибить железные ворота. Приняв на себя роль сурового надсмотрщика, она следовала рядом с пленными. Обратив бдительный взор на еле переставляющего ноги распоясанного «саранчука», она тут же шагнула к нему и направила дуло прямо на его драгоценный пестик.

У парня с перепугу отказали пальцы, так что все присутствующие стали свидетелями неловкой сцены...

...брюки плавно соскользнули вниз, являя поросшие густой растительностью ноги, а также трусы-боксеры с динозавриками.

Какое-то время Лу Бисин потрясённо смотрел на нарисованных динозавров, а те — на него.

— Позвольте спросить, это что, какой-то бытующий на вашей многоуважаемой базе народный обычай? — наконец озадаченно спросил он.

— Это — люди из Отряда самообороны, из того же взвода, что и я, — пояснил Суббота. Попытавшись небрежным жестом стереть текущую из носа кровь, он лишь её размазал, так что в итоге принялся слизывать её с верхней губы, невнятно продолжив: — Утром я позвал их за собой, но они не захотели; мне только и оставалось вызвать их на поединок, одного за другим.

У Лу Бисина возникло чувство, будто его собеседник внезапно заговорил на языке былых эпох:

— Прошу прощения, как это — на поединок?

— Да так, дрался с каждым по очереди — Сестрица-Толстушка и Выходной мне свидетели. С условием, что кто победит — тот и вожак, за тем и последуют.

Лу Бисин покивал, про себя пересчитывая связанных парней.

— Так значит... всё утро у тебя ушло на то, чтобы одержать победу в восемнадцати битвах подряд, не потерпев ни единого поражения? Да ты — настоящий герой, — растроганно признал он.

На лице Субботы расцвела гордая улыбка, и он хотел было с исполненным скромности достоинством отмахнуться от похвалы, но тут кровь хлынула с новой силой, так что пришлось ему спешно запрокинуть голову, зажимая нос обеими руками.

При взгляде на цепочку «новобранцев» Лу Бисину пришла в голову запоздалая мысль: «Что ж я вчера не додумался просто навалить этим упрямым ослам от души, пользуясь дарованной

чипом сверхъестественной силой? Чего сейчас вообще можно добиться гуманным подходом?»

Стоящий рядом с Субботой Выходной, глядя на Лу Бисина в упор, объявил за своего предводителя:

— Мы пришли к тебе!

Лу Бисин замер от изумления.

— Вчера ты сказал, чтобы те, кто не желает умирать, нашли тебя в мастерской мехов. И вот мы здесь. Нам завтра выдадут форму Отряда самообороны?

Бабуля-киноманка пробурчала:

— В мои-то лета уже не до того, я просто поглазеть пришла.

— А мне ещё работать надо, — вмешалась Сестрица-Толстушка, — так что я смогу приходить только ненадолго, до полудня и после обеда.

— А может, сперва починим звуковые колонки? — расплылся в жутковатой улыбке щербатый старик.

Итак, бесчисленные удары кремня о кремень наконец породили слабые искорки огня в крошечном мраке. В первую партию добровольцев вошло тридцать четыре человека; хоть бóльшую её часть составляла молодёжь, в основном это были притащенные сюда Субботой бойцы Отряда самообороны. Одним словом, коллективный портрет бойцов Лу Бисина можно было помещать в словарь как иллюстрацию поговорки «один другого краше» [2].

[2] Один другого краше — в оригинале чэньюй 歪瓜裂枣 [wāi guā liè zǎo] — в пер. с кит. «кривые арбузы и треснутые финики», образно о чём-то крайне неказистом.

И всё же они были единственными искорками света в этой бескрайней пустоши.

Они теснились, будто сельди в бочке, при том, что половину станции занимала пустующая стоянка мехов. Для трёх десятков человек она казалась необъятной, так что им приходилось полагаться на внутреннюю сеть. День напролёт люди трудились бок о бок с роботами — казалось, что эффективные, суровые и беспристрастные машины пасут стадо криворуких балбесов, путающихся у них под ногами. Время от времени мимо них проносились студенты, которые гонялись за Лу Бисином с воплями: «Учитель! Мы здесь правильно посчитали?..»

Когда энергобашня начала опускаться за линию горизонта, они наконец справились с первым в своей жизни домашним заданием и попадали, раскинув руки, прямо на платформу мехов. Внезапно рядом с ними загорелся аварийный светильник и Лу Бисин, словно не знающий жалости завуч, пнул развалившихся на полу парней по лодыжкам:

— Подъём! Сегодняшний урок ещё даже не начинался!

Уайт с трудом поднялся на четвереньки, будто полудохлый пёс.

— А чем же мы тогда весь день занимались?

— Доделывали домашнее задание, — как ни в чём не бывало отозвался Лу Бисин. — Раз вы не сдали его вовремя и потратили на него время уроков, само собой, придётся отрабатывать. А что, у вас в школе было не так?

Если бы кто-то из их школьных учителей попробовал повернуть нечто подобное, ему бы накинули на голову мешок и хорошенько отмутузили — но сейчас, натянув скорбные мины, студенты покорно потащились в мастерскую следом за преподавателем.

После того, как в первый же день тридцать четыре добровольца уработались до чёрных кругов под глазами, двое сбежали, так что их осталось тридцать два.

Куда более прилежные роботы трудились до утра, сперва демонтируя резервные коллекторы излучения с мехов, а затем остаток ночи с жужжанием сваривая их согласно схеме. Наутро четверо студентов, которых Лу Бисин полночи пытал мехами, а также Суббота с забитыми им в буквальном смысле сослуживцами по двое перетаскивали щиты коллекторов радиации под предводительством роботов, а затем с душераздирающими стенаниями принялись монтировать их в соответствии с планом.

Бабуля-киноманка невесть где раздобыла громкоговоритель, который сделал бы честь любому музею, и принялась демонстрировать высокий уровень образованности, с никому не известным акцентом вещая:

— Не страшась чудовищ, сам устремляйся им навстречу! Отважно в бой бросайся и победу одержи! [3]

[3] Прим. автора: Бабуля-киноманка цитирует Дон... Кихота.

А я всё думаю, почему я не могу найти нужный иероглиф — оказывается, я писала его неправильно 2333

Прим. пер. см. в конце главы.

На третий день гигантская коллекторная панель обрела форму юрты, обращённой к безмолвно парящей на недостижимой высоте в течение сотен лет энергобашни. К этому времени от тридцати двух искорок осталось двадцать восемь, а бабуля-киноманка, перестаравшись, сорвала голос, так что ей только и оставалось с торжественным видом сидеть в сторонке, сгорбив спину и почёсывая ногу.

И всё же вокруг стоянки мехов начали в безмолвии собираться люди — вытягивая шеи, они пытались разглядеть, что там происходит.

На седьмой день Суббота, Выходной и ещё несколько парней из Отряда самообороны нерешительно следовали за студентами, внимая, возможно, самым одарённым проектировщикам мехов в пределах Восьмой галактики, которые вещали об эксплуатации мехов и их внутреннем устройстве.

На девятый день монтаж коллекторной панели завершился, и её подсоединили к энергетической системе. Вся станция загудела подобно прибору, отзвук которого долгое время держался в воздухе. В этот день Лу Бисин дал студентам выходной, взял схему термоэлектрической системы охлаждения меха и вновь принялся возиться с конструкторскими программами для роботов.

Студенты, не сговариваясь, подняли запястья и принялись записывать процесс на персональные терминалы, шастая вокруг ректора. На низкой стене вокруг мастерской выстроились в ряд головы на вытянутых шеях, будто стайка сурикатов, оттуда то и дело долетали шепотки.

Утром десятого дня несколько дезертиров вернулись, упорно делая вид, что они лишь проходят мимо, направляясь в уборную. Дождавшись перерыва, Суббота, Выходной и несколько их младших товарищей окружили этих предателей общего дела и принялись избивать, вырывая отчаянные вопли — весь процесс экзекуции бабуля-киноманка старательно записала на видеокамеру для истории.

Но даже после того, как им досталось по первое число, эти людишки не желали уходить, хвостиком следуя за роботами, будто так и надо. За пределами станции собралось уже несколько десятков человек — а затем они так же безмолвно пополнили ряды работающих. После того, как отряд добровольцев внезапно удвоился, хранившихся под платформой мехов запылённые подъёмные краны и механические манипуляторы наконец вытащили на свет, отремонтировали и смазали. Пусть эти примитивные машины не были наделены интеллектом роботов, всё же благодаря им работы пошли вдвое быстрее.

На двенадцатый день перед рассветом жителей разбудил протяжный рёв — в небе будто заиграла гигантская волынка. Воздушный поток бесшумно закрутился вокруг охладительной башни за пределами станции мехов и разошёлся во все стороны, пробираясь меж домами и балконами тесной застройки, словно сквозь прутья корзины для кур, и каждая дверь, каждая оконная рама приветствовала его тихим поскрипыванием.

Одноглазый Ястреб вышел на балкон гостиницы с сигаретой в зубах и прищурился на станцию мехов. Прямо на его глазах гигантская конструкция медленно взмыла в воздух под воздействием магнетической силы, сияя всеми цветами радуги, будто рукотворная звезда. Звук резко усилился, теперь уже все окна в округе распахнулись, и бесчисленные взгляды устремились на это чудо. База, которая прежде обеспечивала своих жителей электроэнергией лишь по шесть часов в день, внезапно заискрилась, словно снег под солнцем: проспавшие невесть сколько лет уличные фонари загорались один за другим, густонаселённые жилые районы переливались огнями, создавая видимость праздника. Стереоскопический экран также ожил, и лотос на заставке вновь распустил нежные лепестки, трепещущие под порывами ночного ветерка.

Сумерки наполнились взбудораженными голосами. Одноглазый Ястреб медленно выдул колечко дыма и буркнул:

— Твою же...

Прикончив целый кофейник, Лу Бисин чудовищным усилием воли продолжил тестирование только что запущенной обновлённой энергетической системы. Пользуясь тем, что рядом никого нет, он юркнул в уголок и от души потянулся. Лу Бисин собрался было дополнить это беспардонным зевком, но тут он краем глаза заметил камеру наблюдения, шарящую объективом совсем рядом с ним.

Содрогнувшись, он припомнил, как Чжаньлу грозился держать его под присмотром. Благополучно подавив зевок ладонью, Лу Бисин заодно пригладил ею волосы, а затем быстро подобрал удачный угол и с улыбкой помахал в камеру.

Его изображение в виде электромагнитного импульса покинуло атмосферу станции, пронизало глубины космоса и материализовалось на мониторе перед глазами Линь Цзинхэна.

Прежде чем адмирал Линь успел отреагировать на то, что Лу Бисин помахал ему ручкой, будто какая-то фанатка, тот сделал несколько стремительных шагов к камере и развернул её в другом направлении, чтобы за его спиной раскинулось море огней, сияющих в каждом окне.

Затем, словно желая снять селфи через экран монитора, он сложил из пальцев сердечко и дополнил его фразой:

— Я признаю, что был неправ, но я полностью осознал свои ошибки, так что не сердись на меня, хорошо?

Поджатые губы Линь Цзинхэна ещё не успели расслабиться, когда старательно позирующего в углу учёного мужа Лу обнаружили обитатели базы. В жизни не выдавшие подобной иллюминации члены Отряда самообороны пришли в небывалое воодушевление и принялись носиться взад-вперёд. Будто самцы орангутанга на стимуляторах, они, ничего не различая вокруг себя, сгрудились под камерой наблюдения, скалясь в улыбке и корча разнообразные гримасы.

Много лет нуждавшаяся в ремонте камера наблюдения, ошеломлённая этой чудовищной фантазмагорией, в страхе отключилась, и экран перед Линь Цзинхэном почернел.

[3] Прим. пер.: Здесь приводится цитата из китайского перевода мюзикла “Man of La Mancha” (русское название — «Я, Дон Кихот»), поставленном по мотивам романа Мигеля де Сервантеса на Бродвее в 1965 г., автор музыки — Митч Ли, текста — Джо Дэрион, либретто — Дейл Вассерман. Монолог Дон Кихота, цитата из которого использована в романе, предваряет известнейшую арию “Impossible dream” (рус. «Мечта о несбыточном»), ставшую гимном стойкости и стремления к недостижимой цели — её настроение очень подходит героям «Отбракованных»:

Мечтой о несбыточном жить!

Презреть тишину и покой!

Идти одному против тысяч!

Дерзать, где отступит любой!

Карать многоликое зло,

Любовь как святыню нести,

Искать до последнего вздоха

К звезде недоступной пути.

Вот мой обет:

Быть верным везде

Моей лучезарной далёкой звезде!

За правду борясь и во имя добра,

Тем бестрашнее биться,

Чем злей и опаснее враг!

Умереть, сохранив до конца

Верность клятве своей!

Может быть, станет лучше наш мир,

И добрей, и честней

Оттого, что один человек,

Не страшась ни преград, ни беды,

Больной и гонимый, пытался

Достичь недоступной звезды.

(пер. Ю. А. Айхенвальда или П.В. Мелковой)

<http://bllate.org/book/17449/1631093>